В146 — 717
читальня

О современномъ положеніи женщины

В146 — 717

Публичная лекція

П. В. Безобразова.

4-е изданіе.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1901

В146 717

О современномъ положеніи женщины

Е. К. Разсохинъ № 1191 Москва

Публичная лекція

П. В. Безобразова.

4-е изданіе.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1901.

2 экз

ПЕЧАТНЯ А. СНЕГИРЕВОЙ
МОСКВА
ТРУДЪ
Остроженка, Савелов. п.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
755053

Дозволено цензурою. Москва, ноября 1 дня 1900 г.

B146
717

О современномъ положеніи женщины*).

Мг. и мг.

Есть вопросы вѣчные, по временамъ затихающіе, по временамъ принимающіе острый характеръ, не смотря на свою сѣдую древность постоянно волнующіе общество. Общественная нравственность, правильная соціальная организація не могутъ не интересовать всякаго мыслящаго человѣка. Къ такимъ же жгучимъ вопросамъ принадлежитъ и такъ называемый женскій вопросъ. Онъ имѣетъ свою длинную исторію, начинающуюся съ древней Греціи, съ первой борьбы женщины за независимость, съ первой попытки Аѳинянки, окончившейся неуспѣхомъ. Не смотря на обширную литературу, не смотря на блестящія завоеванія женщины, женскій вопросъ далекъ отъ разрѣшенія и заслуживаетъ подробнаго и всесторонняго обсужденія.

---

*) Публичная лекція, читанная 23 марта 1892 г. въ пользу Общества попеченія о неимущихъ и нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ.

Положеніе женщины имѣетъ громадное значеніе для правильнаго и успѣшнаго развитія человѣчества. Можно было бы доказать рядомъ примѣровъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ женщина свободнѣе, независимѣе отъ мужчины, нравы чище и лучше, чѣмъ тамъ, гдѣ она находится въ кабалѣ. Ни въ одномъ европейскомъ государствѣ женщина не содержалась въ такой строгости, какъ въ Византіи, откуда мы заимствовали не мало обычаевъ и понятій, и нигдѣ можетъ быть не было такой распущенности нравовъ. Женщину считали порожденіемъ діавола, виновницей грѣхопаденія рода человѣческаго, существомъ слабымъ и нечистымъ, предназначеннымъ быть служанкой и рабой мужчины. Она никогда не была самостоятельной, никогда не имѣла права распоряжаться ни собою, ни имуществомъ. До замужества она вполнѣ подчинялась отцу; выданная замужъ по волѣ родительской и за человѣка, котораго не видѣла до вѣнца, попадала въ полное подчиненіе къ мужу. Даже въ собственномъ домѣ свобода ея была ограничена; ей отводилась отдѣльная половина, откуда она не имѣла права выходить, когда у ея мужа сидѣли гости. Строгій надзоръ, подъ которымъ держали женщину, объясняется конечно не прирожденной ей безнравственностью, а собственною безнравственностью мужчины. Византійцы не позволяли своимъ

женамъ вращаться въ мужскомъ обществѣ, потому что видѣли въ женщинѣ исключительно орудіе наслажденія, не допускали, чтобы можно было разговаривать съ женщиной безъ грязнаго намѣренія. Лишенная всякаго разумнаго развлеченія, лишенная образованія, византійская женщина искала удовольствія въ единственномъ занятіи, доступномъ ей по ея развитію, въ скотскомъ времяпрепровожденіи, которому научили ее мужчины. Выходили замужъ безъ любви, и бракъ не былъ добровольнымъ союзомъ, а только помѣхой къ распутству, помѣхой конечно легко устранимой. Образованіе, которое постепенно стала получать женщина, свобода, которую она себѣ завоевала, повели къ нѣкоторому прогрессу, и женщина по крайней мѣрѣ стала смотрѣть другими глазами на свои нравственныя обязанности. Но все ли сдѣлано въ этомъ направленіи? Можемъ ли мы успокоиться, можемъ ли сказать, что отношенія между представителями обоихъ половъ вполнѣ нормальны, можемъ ли утверждать, что живемъ въ обществѣ, построенномъ на нравственныхъ началахъ?

Въ разсужденіяхъ о положеніи женщины самое видное мѣсто занимаетъ обыкновенно вопросъ о томъ, что ей дѣлать, что она можетъ дѣлать, должна ли она принимать участіе въ общественной дѣятельности или напро-

тивъ ограничиться семейной сферой? Рѣчь идетъ слѣдовательно о женскомъ трудѣ, притомъ только въ высшихъ интеллигентныхъ слояхъ общества. Съ этой точки зрѣнія женскій вопросъ не имѣетъ всеобщаго интереса, всеобщаго значенія; онъ не касается тѣхъ женщинъ, которыя не желаютъ трудиться, а ихъ очень много, не касается народа. Идея, вызвавшая такую упорную борьбу среди интеллигентныхъ женщинъ всегда осуществлялась въ народѣ. Всякій долженъ трудиться безъ различія пола, безъ труда не получишь куска хлѣба, безъ труда не имѣешь права на существованіе, это аксіома въ народной жизни. Для земледѣлія и фабричной промышленности трудъ женщины необходимъ не только потому, что рабочій не можетъ одинъ содержать своей семьи, но и потому что безъ женскаго труда человѣчество не имѣло бы достаточно сельскихъ и фабричныхъ продуктовъ, потребности наши не были бы удовлетворены. Не работай женщина въ деревняхъ и на фабрикахъ, земля производила бы только половину нужнаго намъ количества хлѣба, у насъ не хватало бы одежды, обуви и другихъ самыхъ необходимыхъ предметовъ. Въ нисшихъ слояхъ общества способности женщины никогда не подвергались сомнѣнію, ей предоставлено было не только право но и обязанность работать по мѣрѣ своихъ физическихъ силъ; умствен-

нымъ трудомъ, для него не существующимъ, народъ не интересуется.

Также равнодушны къ этому вопросу любительницы свѣтскихъ развлеченій, порхающія съ вечера на балъ, серіозно занимающіяся только своимъ туалетомъ и цвѣтомъ лица. Не все ли имъ равно, можетъ ли женщина или нѣтъ, быть докторомъ, аптекаремъ, профессоромъ? Не интересно это и тѣмъ почтеннымъ и добродѣтельнымъ дамамъ, не признающимъ другаго призванія кромѣ семейной жизни, проводящимъ всю жизнь на кухнѣ и въ дѣтской.

Но есть такая сторона женскаго вопроса, которая затрогиваетъ всѣхъ женщинъ безъ исключенія, какъ простую деревенскую бабу, такъ и свѣтскую даму. Когда рѣчь заходитъ о честности, о нравственныхъ принципахъ, должны сходиться люди разныхъ партій, разныхъ политическихъ убѣжденій. Консерваторы и либералы не могутъ расходиться въ мнѣніяхъ относительно того что хорошо и дурно, что нравственно и безнравственно. Обратимъ же вниманіе на такія безспорныя, хоть и не общепризнанныя истины, постараемся найти почву, на которой можетъ твердо стоять женщина, намѣтить точку отправленія, откуда должна исходить вся ея дѣятельность.

Наука есть благо, образованіе необходимо каждому, это такія безспорныя истины, что

стыдно ихъ повторять, а приходится, когда рѣчь идетъ о женщинѣ. Всего болѣе должны были бы радѣть о женскомъ образованіи тѣ лица, которыя считаютъ женщину существомъ низшимъ, любятъ называть ее прекраснымъ, но слабымъ поломъ, слабымъ и въ физическомъ и въ умственномъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, кому нужнѣе образованіе, генію или человѣку среднихъ способностей? Мы знаемъ людей, одаренныхъ выдающимися способностями, самоучекъ или получившихъ совершенно недостаточное образованіе, изъ которыхъ тѣмъ не менѣе вышли знаменитые писатели и полезные дѣятели. Геніальный человѣкъ менѣе другихъ нуждается въ школѣ; его выдающійся умъ служитъ ему лучшимъ руководителемъ, сама жизнь учитъ и развиваетъ его, талантъ замѣняетъ недостатокъ школьной подготовки. Уму болѣе слабому, уму обыкновенному, необходимо развитіе, иначе онъ не съ умѣетъ направить свою дѣятельность въ разумную сторону, не пойметъ смысла жизни, не будетъ отличать правды отъ лжи, смѣшивая добро со зломъ, будетъ шататься изъ стороны въ сторону, не видя подъ собой твердой нравственной почвы.

Допустимъ, что женскій мозгъ легче мужского по вѣсу, что мыслительныя способности ея по природѣ слабы, она не способна къ творчеству. Слѣдуетъ ли изъ этого, что мы должны

оставлять ее въ невѣжествѣ, пользоваться ея слабостью, эксплуатировать ея неразвитость? Должны ли мы желать, чтобы наши жены, наши матери оставались на нисшей ступени развитія? Самые ярые противники женщинъ не признаются конечно въ подобномъ желаніи: это слишкомъ напоминало бы отношеніе американскихъ плантаторовъ къ неграмъ, которыхъ за ихъ несчастный цвѣтъ кожи признали разъ навсегда существами способными исключительно къ рабству и боялись дать имъ развитіе и образованіе, чтобы они не поняли, какъ нагло ихъ эксплуатируютъ. Теперь ужъ нѣтъ откровенныхъ защитниковъ женскаго невѣжества, какъ нѣтъ открытыхъ защитниковъ крѣпостного права.

Но часто говорятъ, къ чему дѣвочкѣ знать всѣ тонкости латинской грамматики или рѣшать мудреныя алгебраическія задачи? Понятно, что въ обществѣ возникаютъ подобные вопросы; иногда кажется, будто въ школѣ учатъ тому, что не нужно, а тому что нужно, не учатъ. Менѣе понятно, почему какая нибудь наука считается полезной для мальчика и безполезной для дѣвочки. Большинству мужчинъ никогда не приходится примѣнять въ жизни тѣхъ сложныхъ алгебраическихъ формулъ, которымъ мы учимся въ гимназіи: не смотря на это никто не отрицаетъ пользы математики. Классицизмъ имѣетъ свои хорошія и дурныя

стороны. классическая система требуетъ пересмотра, какъ это всѣми признано. При будущей реформѣ придется или совсѣмъ отмѣнить нынѣ дѣйствующую систему, или признать, что она годится для обоихъ половъ. Теперь общепризнано, что женщина имѣетъ право на среднее образованіе. Но почему же, если казенная мужская гимназія немыслима безъ классицизма, возможна женская гимназія безъ древнихъ языковъ? Когда будетъ выработанъ новый типъ средняго учебнаго заведенія, типъ этотъ будетъ одинаково годиться для дѣвочекъ какъ и для мальчиковъ. Менѣе важно то, чему учатъ, важнѣе то, какъ учатъ. Невѣроятно, чтобы для женскаго развитія требовались отдѣльные педагогическіе пріемы, отличные отъ тѣхъ, которые практикуются въ мужскихъ школахъ. Не преслѣдуя утилитарныхъ цѣлей гимназія даетъ мальчику извѣстное развитіе и служитъ подготовительной школой для высшаго учебнаго заведенія.

Мы называемъ гимназію среднимъ учебнымъ заведеніемъ, подготовляющимъ къ университету; для мужчинъ это безспорная истина, а для женщинъ... для нихъ безспорныя истины часто становятся спорными. Гимназія должна возбудить въ ученикахъ жажду знанія, и плохи тѣ учителя, которые не умѣютъ этого сдѣлать. Гимназистки, кончая курсъ, точно также чувствуютъ духовную жажду, желаютъ усо-

вершенствоваться, но тутъ имъ говорятъ: довольно съ тебя, къ чему тебѣ высшее образованіе? Слѣдовательно преподаватели женскихъ школъ должны заботиться прежде всего о томъ, чтобы наука прискучила ученицамъ, чтобы не являлось у нихъ неосуществимыхъ желаній.

Многіе справедливо относятся съ недовѣріемъ, къ той молодежи, которая ограничивается среднимъ учебнымъ заведеніемъ или пробывъ годъ въ университетѣ не кончаетъ тамъ курса. Это люди, которые знаютъ кое-что и думаютъ, что знаютъ все, которые не умѣютъ отличить мнимой науки отъ истинной. Весьма сомнительныя и спорныя положенія они принимаютъ за безусловныя научныя истины. Оттого говорятъ, что полузнаніе вреднѣе невѣжества. Невѣжды, по крайней мѣрѣ, никого не просвѣщаютъ, а лица недоучившіяся просвѣщаютъ. Изъ нихъ выходятъ писаки, наводняющіе мелкую прессу, своими грязными писаніями развращающіе общество, привыкшее съ довѣріемъ относиться ко всякому печатному слову. У этихъ полуобразованныхъ лицъ умственный капиталъ ничтоженъ, а потребности громадны. У нихъ нѣтъ надлежащаго развитія и нѣтъ слѣдовательно нравственной устойчивости. Они хотятъ пользоваться матеріальными благами, они не разбираютъ средствъ, лишь бы пожить

хорошо, лишь бы поѣсть всласть, да попить.

Но для женщины все это не страшно; довольно съ нея и кое какого знанія. Давъ ей вкусить отъ плода, долго остававшагося запретнымъ, плодъ этотъ отнимаютъ раньше чѣмъ она успѣваетъ насытиться.

Конечно, сами ученые въ значительной степени виноваты, если съ такимъ недовѣріемъ относятся къ ихъ наукѣ, если находятъ, что она безполезная роскошь для цѣлой половины рода человѣческаго. Есть мужи весьма мудрые, которые читая величайшія произведенія древности видятъ въ нихъ только фразы правильно или неправильно построенныя съ грамматической точки зрѣнія. Они много лѣтъ трудятся надъ трагедіями Софокла, выписываютъ всѣ встрѣтившіеся имъ предлоги и усердно подсчитываютъ, сколько разъ авторъ употребилъ тотъ или иной предлогъ и съ какимъ падежомъ; содержаніе трагедій, характеръ Антигоны или Эдипа ихъ не касается. Что имъ Гекуба? Бѣдный Софоклъ. Если бы онъ зналъ, что сочиненія его будутъ представляться наборомъ словъ, что его будутъ исправлять и укорять за малѣйшее отступленіе отъ школьной грамматики, о которой онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія, онъ еще при жизни уничтожилъ бы свои безсмертныя драмы, только бы они не выставлялись на посмѣшище мнимоучеными

XIX вѣка. Есть историки, стряхивающіе вѣковую пыль съ архивныхъ хартій, съ великимъ трудомъ разбирающіе старинный почеркъ, чтобы сказать наконецъ послѣднее слово науки, т. е. какъ были устроены различныя орудія пытки. Есть другіе, признающіе въ исторіи только хронологію, тратящіе бездну эрудиціи и остроумія для доказательства, что какое-нибудь маловажное событіе случилось 29, а не 30 мая. Есть естествоиспытатели всю жизнь посвящающіе изученію лягушечьяго языка.

Подобныя упражненія, называющіяся научными, не имѣютъ ничего общаго съ наукой, потому что не содержатъ въ себѣ главнаго элемента науки, идеи. Справедливо говорятъ, что лягушечій языкъ, количество предлоговъ у Софокла и хронологическія изысканія не нужны женщинѣ. Но кому же нужна эта quasi— научная дребедень, всѣ эти спеціальныя изслѣдованія, написанныя условнымъ языкомъ понятнымъ только избраннымъ, вся эта схоластика, давно погребенная и теперь внезапно возрождающаяся на нашихъ глазахъ? Но существуетъ и другая наука, дѣйствительно благодѣтельная, та что открываетъ законы мірозданія, та что посѣваетъ въ душѣ человѣческой возвышенныя идеи и раскрываетъ истину, та что руководится идеаломъ и ведетъ насъ къ нравственному усовершенствованію. Эта наука

не имѣетъ отечества, она принадлежитъ всему міру, потому что она плодъ всемірныхъ усилій; отказавшись отъ представителей современной схоластики, мы найдемъ чему поучиться у великихъ свѣтилъ европейской науки. Имѣемъ ли мы право лишать женщину этого свѣта? Не обязаны ли мы напротивъ доставить ей тѣ же способы къ достиженію развитія, какими пользуемся мы сами? Представьте себѣ, что открыли бы новый минеральный источникъ необыкновенной силы и доступъ къ нему разрѣшили бы однимъ мужчинамъ, женщинамъ, сказали бы въ утѣшеніе: у васъ организація слабѣе мужской, такъ вы можете пользоваться и другими болѣе слабыми источниками. Всѣ кричали бы о вопіющей несправедливости, но совершенно такъ разсуждаютъ въ дѣлѣ женскаго образованія.

Если бы женщинъ пускали въ университетъ, они должны были бы пользоваться правами одинаковыми съ мужчинами. Зачѣмъ изучать право, если нельзя сдѣлаться адвокатомъ, зачѣмъ учиться математикѣ, если не можешь попасть въ инженеры? Такъ думаютъ вѣроятно многіе, привыкнувъ къ мысли, что образованіе тѣсно связано съ чинами и орденами; но въ подобномъ разсужденіи кроется недоразумѣніе. Университетъ и дипломъ совсѣмъ не такъ неразрывно связаны, какъ это кажется. Профессора не учатъ какъ писать

отношенія и донесенія, куда наклеивать гербовыя марки, какъ шаркать ножкой и кланяться, а все это необходимо знать чиновнику. Можно было бы придумать другую школу болѣе подходящую для чиновничьей карьеры. Право на чинъ, право занимать государственныя должности служитъ только помѣхой высшему образованію. Въ университетъ поступаютъ многіе относящіеся совершенно равнодушно ко всякой наукѣ только изъ желанія получить дипломъ, а затѣмъ тепленькое мѣстечко. Интересно конечно купить дипломъ какъ можно дешевле, т. е. заниматься какъ можно меньше. Оттого университетское преподаваніе превратилось въ чтеніе лекцій, по бо́льшей части не посѣщаемыхъ студентами и въ заучиваніе литографированныхъ записокъ. Чтобы выдать дипломъ, нужны отмѣтки, нуженъ экзаменъ, эта мучительная и для студентовъ и для профессоровъ операція. Оцѣнить общее развитіе отмѣткой невозможно, нужно требовать извѣстныхъ знаній; приходится давать дипломъ тому, кто механически запомнилъ половину или три четверти словъ сказанныхъ профессоромъ, какъ бы ничтожно не было развитіе экзаменующагося. Наоборотъ студентъ, много думавшій и работавшій, но недостаточно потрудившійся надъ записками можетъ остаться безъ диплома. Если бы университетъ не былъ первымъ шагомъ въ чинов-

ничьей карьерѣ, можетъ быть нѣкоторые и не поступали бы туда, но за то поступающіе занимались бы наукою съ любовью, не имѣя въ виду награды въ видѣ мѣста столоначальника. Можетъ быть тогда количество людей съ высшимъ образованіемъ уменьшилось бы, но качество ихъ было бы значительно выше и тѣ немногіе, которые предались бы наукѣ ради нея самой, а не ради практическихъ цѣлей сдѣлали бы для человѣчества больше множества прослушавшихъ кое-какъ профессорскія лекціи, получившихъ дипломъ и затѣмъ навсегда отвернувшихся отъ науки, какъ отъ чего-то что хорошо для школьниковъ и что необходимо въ юности, потому что того требуетъ начальство.

Если наука безплодное и безполезное порожденіе человѣческаго ума, направленнаго въ ложную сторону, если она сама по себѣ не представляетъ цѣнности, необходимой для прогресса человѣчества, закроемъ всѣ учебныя заведенія, сожжемъ всѣ библіотеки; но тогда намъ придется одѣться въ звѣриную шкуру, вернуться ко временамъ до историческимъ, однимъ словомъ оскотиниться. Женщины понимаютъ это лучше многихъ мужчинъ, женщина ищетъ образованія не изъ за диплома; она желаетъ развиваться и совершенствоваться. Могутъ ли ей быть представлены служебныя права, это вопросъ второстепен-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ный. Уже теперь ей открыты многія поприща: она блистательно доказала, что можетъ быть хорошимъ врачомъ и фармацевтомъ, она оказала не маловажныя услуги на педагогическомъ поприщѣ, она прославилась на войнѣ въ тяжелой роли сестры милосердія. Прошли тѣ времена, когда считалось зазорнымъ для женщины заниматься искусствомъ и литературой, держать въ рукѣ перо и получать построчный гонораръ. Всѣ мы съ удовольствіемъ читали романы, написанные талантливыми женщинами, а въ послѣднее время приходится видѣть женскія имена, подписанныя подъ серіозными статьями. Правда, такихъ статей немного; но поищемъ, гдѣ ученыя книги, написанныя мужчинами, получившими только среднее образованіе? Если сравнивать равное съ равнымъ, женщинъ-авторовъ окажется не меньше.

Важно не то, чтобы женщина пріобрѣтала дипломы, право на государственныя должности, важно, чтобы она имѣла умственное развитіе, одинаковое съ мужчиной. Съ этимъ должны согласиться всѣ, даже тѣ, кто ограничиваютъ ее узкой сферой семейной дѣятельности. Можетъ ли быть настоящей женой, настоящей воспитательницей женщина, не понимающая дѣятельности своего мужа, мать стоящая на той же точкѣ развитія, какъ ея сынъ-гимназистъ? Въ союзѣ любви, называе-

момъ бракомъ, должна царить равноправность для обоюднаго счастія супруговъ. Но какое же счастіе можетъ быть тамъ, гдѣ мужъ говоритъ женѣ: молчи, потому что ты ничего не понимаешь, гдѣ жена дѣйствительно не понимаетъ идеи, которой служитъ мужъ, идеала, который онъ преслѣдуетъ, если онъ принадлежитъ къ числу лицъ, не утратившихъ еще идеала. Когда ребенокъ подрастаетъ, матери наравнѣ съ отцомъ принадлежитъ право выбрать учебное заведеніе. Это дѣло матери по преимуществу, она больше времени проводитъ съ дѣтьми, она изучила до тонкости дѣтскую душу, она лучше мужа знаетъ способности дѣтей. Она съумѣетъ направить ихъ на полезную дѣятельность, съумѣетъ найти подходящую школу, если ей будетъ ясно, какая разница между гимназіей и военнымъ корпусомъ, между классицизмомъ и реализмомъ. Не только въ школѣ учатся дѣти, гораздо больше пріобрѣтаютъ они дома. Въ учебномъ заведеніи научатъ ихъ рѣшать математическія задачи, научатъ географіи и историческимъ фактамъ, но кто научитъ ихъ любить истину, дѣлать добро, жертвовать собой. Научитъ этому развитая мать. Она будетъ ежедневно бесѣдовать со своими малютками съ любовью, выше которой нѣтъ ничего на землѣ, будетъ она толковать имъ, что надо бороть свои страсти, надо помогать бѣднымъ, надо честно

исполнять свои обязанности, что въ эгоизмѣ нѣтъ счастья, что нельзя жить безъ идеала, безъ вѣры, безъ любви.

Все это скажетъ мать и дѣти будутъ слушать ее не такъ, какъ слушаютъ они школьныхъ учителей, и глубоко западутъ въ ихъ душу сѣмена добра: долго будутъ они помнить эти ласковыя, эти хорошія слова, и когда тѣло ихъ матери давно истлѣетъ въ могилѣ, душа ея все еще будетъ съ ними, будетъ ихъ вѣрной наставницей и руководительницей.

Въ семейной жизни женщинѣ необходимо развитіе, необходимо оно и для общественной жизни. Женщина должна понимать всѣ вопросы, возникающіе въ обществѣ, какъ бы серіозны они не были, она должна понимать, что дѣлается вокругъ нея. Она должна знать, человѣка и его отношеніе къ внѣшнему міру; ей нужно имѣть общія понятія объ устройствѣ вселенной и человѣческаго тѣла; ей должны быть ясны законы мышленія и устройство души. Въ современной жизни мы наталкиваемся постоянно на юридическіе вопросы, на борьбу капитала съ трудомъ. Чтобы отдать себѣ ясный отчетъ въ сложныхъ движеніяхъ, возникающихъ въ разныхъ сферахъ народной жизни, надо имѣть почву для правильнаго сужденія, надо ознакомиться съ основами права и политической экономіи. На-

стоящее—послѣдній моментъ долгаго прошлаго, неразрывно съ нимъ связанный; чтобы понимать настоящее, надо знать историческія судьбы человѣчества, надо познакомиться съ общимъ ходомъ человѣческой мысли. Знаніе основныхъ началъ самыхъ важныхъ наукъ необходимо всякой женщинѣ, желающей достичь настоящаго развитія. Но такими обширными знаніями не обладаютъ даже мужчины. Правда, но мы говоримъ о томъ, что желательно, а не о томъ, что есть на самомъ дѣлѣ. Нѣкоторые изъ насъ изучили до тонкости теорію чиселъ, другіе превосходно знаютъ исторію или химію, но многіе ли могутъ сказать, что они вполнѣ довольны своимъ образованіемъ, достигли высшей точки развитія?

Развѣ не случается, что мы не понимаемъ новаго движенія мысли, не понимаемъ новаго слова, побиваемъ каменьями пророка; коснѣя въ рутинѣ съ пренебреженіемъ отворачиваемся отъ идеи, которой принадлежитъ будущее, отъ проповѣди которая просвѣтила бы насъ, если бы мы ее поняли? Не показываетъ ли это недостатка развитія? Пусть женщина превзойдетъ насъ, и мы преклонимся передъ ней. Тогда мы будемъ обсуждать съ ней самые важные вопросы, то чѣмъ люди живы, тогда мы не будемъ скучать въ женскомъ обществѣ. Разговоры о модисткахъ, о красивыхъ усахъ гусара смѣнятся другими разго-

ворами. Мелкіе дрязги и сплетни не будутъ играть выдающейся роли въ жизни женщины, она будетъ поглощена иными заботами.

Итакъ, всѣ дорожащіе процвѣтаніемъ семейной и общественной жизни, должны способствовать женскому образованію. Разъ что наука добро, она должна быть доступна всѣмъ и каждому, безъ различія половъ, званія и сословія. Къ сожалѣнію мы не дошли еще до этого сознанія. На дорогѣ, ведущей къ свѣту и добру, стоитъ стѣна, а за стѣною стражъ. Въ стѣнѣ продѣланы ворота, любезно раскрываемыя предъ мужчинами. Но вотъ къ этой стѣнѣ подходитъ вереница женщинъ; неумолимый стражъ кричитъ имъ: остановитесь, не идите дальше, истина и свѣтъ существуютъ не для васъ, онѣ остановиться не могутъ, ихъ манитъ свѣтъ, манитъ истина, видная изъ за стѣны; тѣ что впереди будутъ колотиться объ эту крѣпкую преграду, онѣ расшибутъ себѣ лобъ и падутъ жертвою идеи; но другія расшибутъ и преграду, ворота откроются, остальныя пройдутъ безпрепятственно, благословляя тѣхъ, кто палъ ради общаго дѣла.

Развитіе необходимо женщинѣ, чтобы понимать людей, съ которыми ей приходится сталкиваться, чтобы разобрать когда подъ громкими фразами мужчины скрывается скудное содержаніе, чтобы не могли наносить ей вреда

разными софизмами, мнимо-научными истинами, придуманными для оправданія разврата. Наконецъ развитіе женщинѣ необходимо, чтобы она поняла, въ чемъ заключается ея истинное призваніе, какую роль суждено ей исполнить для общаго блага человѣчества, въ какомъ отношеніи преимущественно должна она быть равноправна съ мужчиной. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ на нравственныя отношенія между представителями обоихъ половъ, вникнемъ въ то, что дѣлается ежедневно на глазахъ у всѣхъ насъ, призадумаемся на минуту, и мы содрогнемся отъ ужаса при видѣ безобразія нашей жизни.

Когда мы желаемъ опредѣлить порочныхъ людей, то говоря о мужчинѣ или женщинѣ, мы употребляемъ обыкновенно тоже самое слово, измѣняя только окончаніе соотвѣтственно требованіямъ грамматики. Говоримъ, воръ и воровка, обманщикъ и обманщица, лгунъ и лгунья, но когда рѣчь заходитъ о томъ, что должно было бы быть намъ всего дороже, объ отношеніяхъ нравственныхъ, о преступленіяхъ противъ нравственности является совершенно особая терминологія и тоже самое дѣйствіе называется различно, смотря потому, совершено ли оно женщиной или мужчиной. Напримѣръ говорятъ о паденіи женщины, но слыхали ли вы когда нибудь о паденіи мужчины? Конечно нѣтъ, тотъ поступокъ, кото-

рый называется грознымъ словомъ „паденіе“ для мужчины только невинная забава, даже необходимое времяпрепровожденіе, объясняющееся его естественными потребностями. Есть женщины потерянной репутаціи, которыхъ нельзя пускать въ порядочный домъ; но мужчина, порхающій съ цвѣтка на цвѣтокъ, мѣняющій свои привязанности ежемѣсячно, ежедневно, даже никакихъ привязанностей не имѣющій, а ищущій только минутнаго развлеченія, такой мужчина не теряетъ репутаціи порядочнаго человѣка, присутствіе его не можетъ замарать никакой гостиной, хотя бы она была наполнена молодыми дѣвушками, для которыхъ такъ страшна дама, нѣсколько сбившаяся съ своего женскаго пути и пошедшая вслѣдъ за нами. Но въ томъ-то и дѣло, что добродѣтель женщины и добродѣтель мужчины это совсѣмъ разныя вещи. Невинность, это добродѣтель для дѣвушки, пожалуй даже не добродѣтель, скорѣе обязанность, малѣйшее уклоненіе отъ этой обязанности есть уже порокъ. Но невинность молодого человѣка, это что же такое? Въ чемъ же тутъ добродѣтель? это просто глупость, странное чудачество, надъ этимъ смѣются.

Въ нашихъ нравственныхъ сужденіяхъ мы обыкновенно смотримъ на совершившійся фактъ и говоримъ, что онъ хорошъ или нѣтъ, не обращая вниманія на то, совершила ли его

особа мужского или женскаго пола. Представьте же себѣ, что какой нибудь юристъ рядомъ софизмовъ убѣдилъ дѣвушку подписать фальшивый вексель; она беретъ въ руки перо, пишетъ что то подъ диктовку, только на половину понимая или совсѣмъ но понимая, что дѣлаетъ. Онъ во сто разъ болѣе виноватъ, скажемъ всѣ мы, у него былъ злой умыселъ, онъ образованъ, она въ дѣлахъ, ничего ни понимаетъ. Онъ подговорилъ, убѣдилъ, онъ и виноватъ. Но вотъ тотъ же юристъ ввелъ дѣвушку въ грѣхъ. Она кругомъ виновата, скажетъ общество, она должна была остерегаться, ему чтоже: онъ мужчина. Онъ будетъ ходить высоко поднявъ голову, будетъ кричать о женскомъ легкомыслiи и развратѣ женщинъ; она будетъ скрываться отъ свѣта, на нее будутъ показывать пальцемъ, для нея это позоръ. А для него? Но вѣдь онъ мужчина.

Съ малолѣтства привыкли мы къ этой фразѣ: я мужчина и мнѣ все позволено. Насъ воспитываютъ въ этихъ дикихъ понятiяхъ, мы передаемъ ихъ дѣтямъ, не заботясь о томъ, учимъ ли мы ихъ правдѣ или даемъ средство прикрывать свои пороки. Заботливая мать строго охраняетъ чистоту своей дочери, она боится не только непристойнаго поступка, но и непристойнаго слова, вырываетъ изъ рукъ дѣвушки сомнительную книгу, и та-же забот-

ливая мать даетъ сыну деньги и говоритъ: иди, предавайся своимъ страстямъ гдѣ хочешь и какъ хочешь, валяйся въ грязи, разъ ты чувствуешь въ этомъ потребность. Между сыномъ и дочерью громадная разница. Онъ обуреваемъ страстями, онъ не можетъ справиться со своими чувственными инстинктами, распутство такое же необходимое условіе его существованія, какъ воздержаніе для дѣвушки. И вотъ юноша въ самые нѣжные годы, когда не сложился онъ еще физически, не окрѣпъ нравственно идетъ въ вертепъ разврата, предается самымъ циническимъ развлеченіямъ; тутъ научается онъ служить тѣлу, пренебрегая душой, тутъ хоронитъ онъ свои лучшія стремленія, свою вѣру въ идеалъ. Такъ поступаетъ юноша, потому что это принято, такъ всѣ дѣлаютъ. Дѣйствительно, такъ всѣ дѣлаютъ. Никто не останавливаетъ юношу, ни родители и воспитатели, ни друзья и знакомые. Въ обществѣ онъ слышитъ только одобреніе своимъ похожденіямъ, онъ ведетъ себя по правиламъ гигіены.

Если бы мы имѣли за себя всѣ свѣтила медицинской науки, то и тогда слѣдовало бы спросить себя, можно ли, слѣдуетъ ли ублажать тѣло въ ущербъ душѣ? Не лучше ли, чтобы тѣло было потоще, послабѣе, да душа пополнѣе, покрѣпче? „Прекрасно, должна сказать женщина мужчинамъ, у васъ есть живот-

ные инстинкты, отъ нихъ не отдѣлаешься, нужно есть и пить, но позволительно ли всячески, всякими средствами удовлетворять хотя бы самые законные, самые естественные аппетиты?“ Имѣете ли вы право губить чужое существованіе для поддержанія своего собственнаго? Повидимому это праздный вопросъ, на который можетъ быть только одинъ отвѣтъ. Даже во время страшнаго голода не принято заниматься людоѣдствомъ. Если мнѣ захочется выпить бутылку шампанскаго, я могу сдѣлать это, лишь бы не причинять вреда другимъ; украсть вино не позволительно, какъ бы сильна не была жажда. Кто же думаетъ иначе? Конечно всѣ такъ думаютъ. Но вырвать дѣвушку изъ семьи, сдѣлать ее на вѣки несчастной, украсть у нея совѣсть, развратить ее до мозга костей, чтобы доставить себѣ минуту наслажденія, это позволительно, это въ порядкѣ вещей. Гдѣ же тогда граница между дозволеннымъ и недозволеннымъ? Тогда нѣтъ порока, нѣтъ преступленія, нѣтъ нравственности. Если я могу губить чужую душу въ угоду своей плоти, съ одинаковымъ правомъ могу я красть и убивать. Отбросивъ возвышенныя рѣчи о нравственныхъ принципахъ, будемъ лучше жить по слѣдующему предписанію: дѣлай все, что тебѣ пріятно, лишь бы ты былъ доволенъ; всякими средствами ублажай свое тѣло, ты хочешь, значитъ ты имѣешь право.

Мы такъ и живемъ. Мы даже придумали остроумную фразу: надо чтобы молодость взяла свое. Съ улыбкой говорятъ матери *о невинныхъ* интрижкахъ, о кутежахъ своихъ милыхъ сыновей. Ничего, женится и исправится, надо чтобы молодость взяла свое. Молодой человѣкъ дѣлаетъ все, что взбредетъ на умъ, пока, наконецъ не надоѣдятъ ему тѣ, кого онъ развращалъ съ такимъ успѣхомъ. Тогда, лысый въ 30 лѣтъ, пресыщенный какъ старецъ, разслабленный физически и умственно, онъ начинаетъ искать себѣ невѣсту, помоложе, да покрасивѣе. Онъ подходитъ къ ней... посмотрите; на немъ видны слѣды пьяныхъ оргій, безобразныхъ ночей, съ ногъ до головы онъ обрызганъ грязью, и онъ спрашиваетъ невѣсту; чиста ли ты, невинна ли ты, не цѣловалась ли ты съ другимъ? А самъ онъ, онъ столько цѣловалъ, что губы его стали нечувствительны, онъ глумился надъ добродѣтелью, съ невѣроятнымъ цинизмомъ старался онъ убить въ женщинѣ послѣдніе проблески стыдливости, а теперь онъ требуетъ чистоты и невинности, онъ спрашиваетъ; достойна ли меня моя невѣста? Какое невѣроятное нахальство, повторяющееся ежедневно, ежечасно, и мы не замѣчаемъ его, не хотимъ замѣчать. Но дѣвушка, неужели она не чувствуетъ, какъ жестоко ее оскорбляютъ, не ужели она не понимаетъ, что попираютъ во-

гами ея самыя священныя права? А если она въ свою очередь спроситъ жениха: скажи мнѣ и ты, чистъ ли ты, невиненъ ли? Почему же она не спрашиваетъ будущаго мужа о томъ, о чемъ ее всѣ спрашиваютъ?

Вотъ условія, при которыхъ мы женимся. Не удивительно, что счастливыхъ браковъ очень мало, такъ мало, что среди множества несчастныхъ они составляютъ ничтожнѣйшій процентъ, не общее правило, какъ это должно было бы быть, а лишь рѣдкое исключеніе. Изуродованные съ дѣтства, нравственно искалѣченные мужчины соединяются съ дѣвушкой молодой, полной силы, жаждущей жизни. Молодая жена ищетъ дѣятельности, а мужъ покоя, онъ усталъ, не оттого, что много работалъ, а оттого, что много бездѣльничалъ, растратилъ свои силы по всевозможнымъ притонамъ. Она идеально смотритъ на жизнь; для него идеалъ, вѣра, любовь къ ближнему, самопожертвованіе давно забытыя слова. Она думаетъ, что мужъ принадлежитъ ей на вѣки, но онъ не можетъ отдѣлаться отъ привычекъ молодости. Одна и та-же женщина надоѣдаетъ. Конечно не можетъ не надоѣсть одинъ и тотъ же супъ, подаваемый ежедневно, все та же прическа, все тѣ же щеки, все тѣ же губы. Но хорошая мысль никогда не надоѣдаетъ, идеѣ можно отдать всѣ свои силы, всю жизнь, она вѣчно будетъ все также привлекательна.

Идея не надоѣдаетъ, да, но вступая въ бракъ, не на идеѣ мы женимся. Вотъ въ этомъ-то и бѣда, въ этомъ корень зла.

Бракъ не только союзъ двухъ тѣлъ, но и двухъ душъ, двухъ сердецъ; двѣ мысли, двѣ жизни соединяются для общей дѣятельности, и въ этомъ союзѣ единеніе духовное конечно цѣннѣе единенія тѣлеснаго. Но истинный союзъ возможенъ только тамъ, гдѣ два человѣка соединяются добровольно, гдѣ узы ихъ скрѣплены взаимнымъ уваженіемъ и любовью, гдѣ оба они равноправны и подчиняются только высшей цѣли. Мастеръ и подмастерье, рабовладѣлецъ и рабъ не составляютъ союза. Супруги имѣютъ право предъявлять другъ къ другу одинаковыя требованія. Женихъ требуетъ отъ невѣсты чистоты и невинности, въ противномъ случаѣ онъ отказывается жениться и отказъ его всѣ считаютъ законнымъ. Почему же невѣста не требуетъ того же самаго отъ жениха? Исторически объяснить это очень легко; нѣтъ возмутительнаго факта, нѣтъ той лжи, которая не имѣла бы историческихъ причинъ. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы надо было ограничиться однимъ историческимъ объясненіемъ и съ равнодушіемъ лѣтописца только отмѣчать поступки, возмущающіе наше нравственное чувство. Поработавъ и подчинивъ себѣ женщину сначала вслѣдствіе своего физическаго превосходства,

а потомъ и умственнаго, мужчина съумѣлъ пріобрѣсти привилегированное положеніе, съумѣлъ убѣдить женщину, будто у него совсѣмъ другой складъ организма и совсѣмъ другія, чѣмъ у нея потребности. Убѣжденіе это, передававшееся отъ поколѣнія къ поколѣнію, дошло до нашихъ временъ, имѣетъ множество защитниковъ и, что болѣе странно, защитницъ. Высоко цѣня женское цѣломудріе и понимая, что не можетъ существовать общество, преданное исключительно разврату, мужчина подѣлилъ между собою и женщиной права и обязанности: ей предоставилъ онъ обязанность охранять добродѣтель, поддерживать священный огонь Весты, себѣ взялъ онъ право не подчиняться принципамъ нравственности, имъ же предписаннымъ женщинѣ. Правда, такія ненормальныя отношенія существуютъ много вѣковъ, но одна долговѣчность не есть еще признакъ истины.

Почему же невѣста не требуетъ отъ жениха чистоты, невинности? Потому во первыхъ, что нельзя предъявлять требованій неисполнимыхъ, не стоитъ искать то чего нѣтъ. Аргументъ на первый взглядъ довольно основательный; но между тѣмъ чего нѣтъ и чего не можетъ быть большая разница. Искать четвероногаго мужчину было бы сумасшествіемъ, но требовать отъ мужчины нравственности, развѣ это такъ нелѣпо? Неужели

мы такъ глубоко завязли въ болотѣ, что не можемъ выбраться изъ него и очиститься? Во вторыхъ общество не даетъ молодой дѣвушкѣ права требовать отъ мужчины нравственной чистоты. Не даетъ, допустимъ, но это право можно взять, завоевать. Наука противъ насъ, могутъ сказать мнѣ женщины. Послѣ долгихъ и глубокомысленныхъ изысканій, окончательно выяснилось, что мужская организація значительно разнится отъ женской, что мужчинѣ необходимо распутничать. Безъ этого онъ жить не можетъ, надо подчиняться требованіямъ его натуры, надо подумать о его здоровьѣ, надо принести въ жертву себя, свои лучшія чувства. Самопожертвованіе благородно, когда оно имѣетъ въ виду высокую цѣль, но жертвовать собой, чтобы въ мірѣ царилъ развратъ, это по меньшей мѣрѣ безуміе.

Выходитъ слѣдовательно, что у насъ двѣ нравственности, одна мужская, другая женская. Тотъ же самый поступокъ, тоже самое дѣяніе позорно для женщины, позволительно мужчинѣ, то что мараетъ дѣвушку, украшаетъ юношу. Одну нравственную мѣрку мы прилагаемъ къ себѣ, другую къ женщинѣ. Въ какой философской системѣ можно найти оправданіе столь дикому міровоззрѣнію? Не на предписаніяхъ Христа основанъ нашъ взглядъ на нравственность, не на словахъ

Спасителя, простившаго падшую и запретившаго мужчинѣ даже смотрѣть на женщину грѣховными очами. Если истина на нашей сторонѣ, если мы правы въ своемъ поклоненіи естественнымъ потребностямъ, если мы живемъ какъ надлежитъ, признаемъ по крайней мѣрѣ, что истина одна для всѣхъ, предоставимъ женщинѣ свободу жить также, какъ мы живемъ. Какъ скажутъ мнѣ, молодая дѣвушка будетъ посѣщать кафе шантаны, будетъ смотрѣть на безстыдныя тѣлодвиженія? Да. Дѣвушка будетъ цѣловаться съ первымъ попавшимся мужчиной? Да. Дѣвушка будетъ проводить ночи въ пьяныхъ оргіяхъ? Да. Но что же изъ этого вышло бы? Міръ обратился бы въ вертепъ разврата, гдѣ не было бы ничего кромѣ животныхъ отношеній, гдѣ не было бы семьи, гдѣ общество представляло бы стадо самцовъ и самокъ, влекомыхъ другъ къ другу скотскими инстинктами, гдѣ добродѣтелью называлось бы красивое сложеніе, а любовью —чувственность. Требуя отъ дѣвушки нравственной чистоты и невинности мы правы, не позволяя ей распутничать, мы правы, но правы ли мы, пренебрегая сами чистотой и невинностью, считая себѣ дозволеннымъ все что недозволено женшинѣ? Если это такъ, если невозможно, чтобы обѣ половины рода человѣческаго жили по скользкимъ принципамъ, придуманнымъ нами для себя, мы

должны сказать, что нравственность наша основана на лжи, что она не имѣетъ внутренней цѣнности и оправданія. Можетъ быть мы могли бы примириться съ нашими двумя нравственностями, если бы не ощущали печальныхъ результатовъ такого міровоззрѣнія, если бы не видѣли въ обществѣ грозныхъ признаковъ близкаго разложенія. Но порокъ передающійся изъ поколѣнія въ поколѣніе не уменьшается конечно, а развивается. Порочные родители создаютъ дѣтей еще болѣе порочныхъ. Чего можно ждать отъ общества, зараженнаго всякими недугами физическими и душевными? Оглянемся, посмотримъ, что дѣлается вокругъ насъ. Призадумаемся надъ плодами нашей бурной молодости. Какой же самый ощутительный результатъ распутства, которому мы поклоняемся, отъ котораго не хотимъ отказаться? Всеобщее разслабленіе, да мы разслаблены. Это сказывается повсюду, и въ литературѣ, и въ наукѣ и въ искусствѣ, повсюду царитъ скудоуміе, да развѣ таланты могутъ вырости на почвѣ всеобщаго разслабленія? У насъ нѣтъ силы отстаивать свои убѣжденія, нѣтъ силы громко сказать честное и правдивое слово, нѣтъ силы соединиться для общаго дѣла. Какъ животное барахтаемся мы въ грязи, уткнувшись носомъ въ землю, и не хватаетъ у насъ силы поднять голову,

увидѣть что надъ нами чистое небо, источникъ вѣчнаго свѣта.

Мы даже не находимъ силы сознаться въ своемъ грѣхѣ, мы лжецы и фарисеи. На лжи построено наше общество, на обманѣ основаны отношенія мужчины къ женщинѣ. Когда мы говоримъ, что вѣруемъ въ Бога, мы лжемъ, мы ни во что не вѣруемъ. Когда говоримъ, что мы послѣдователи Христа, мы лжемъ, мы отреклись отъ Него. Мы утверждаемъ, будто любимъ ближняго и человѣчество, мы лжемъ, мы любимъ только себя. Юноша увѣряетъ дѣвушку, что онъ ищетъ подругу жизни; неправда, не подруга нужна ему, а тѣло. Женихъ клянется невѣстѣ, что будетъ любить ее вѣчно: онъ лжетъ, онъ знаетъ, что разлюбитъ, какъ только наступитъ пресыщеніе. Мы говоримъ, что уважаемъ и любимъ женщину, это ложь. Не уважаютъ той, кого считаютъ недостойной высшаго образованія, не уважаютъ той, кому отказываютъ въ самыхъ справедливыхъ требованіяхъ, въ самыхъ естественныхъ правахъ. Не пользуются безпомощнымъ, безвыходнымъ положеніемъ той, кого любятъ. Любимаго существа не развращаютъ, не глумятся надъ самыми святыми его чувствами. Мы отказываемъ въ работѣ бѣдной дѣвушкѣ, мы заставляемъ ее забыть честь и совѣсть; надругавшись надъ ней, мы дико хохочемъ надъ женскою слабостью, хо-

В 146 717

хочемъ, что не съумѣла она устоять, что голодной смерти предпочла она наши грязныя объятія. Мы кричимъ о низости женщинъ, оскверняющихъ наши улицы, клеймимъ ихъ позорными именами, негодуемъ, возмущаемся продажностью женщинъ, кричимъ: о позоръ! и въ этомъ позорѣ, мы не чувствуемъ только одного *собственнаго своего позора*.

Если мы такъ огрубѣли что не отличаемъ больше постыднаго отъ хорошаго, то къ счастію нашему не огрубѣла еще женщина. Она должна сказать намъ: живите такъ, какъ вы требуете, чтобы жили мы. Она должна сознать свои права, должна разстатся съ рутинными воззрѣніями, ей же самой невыгодными. Она должна сказать: что прилично мужчинѣ, то прилично и женщинѣ, что нравственно для женщины, то нравственно и для мужчины. Она сама не захочетъ считать для себя дозволеннымъ все то, что дозволено мужчинѣ, она поведетъ рѣчь не столько о расширеніи своей свободы сколько объ ограниченіи мужской свободы, т. е. свободы распутничать.

Женщинѣ предстоитъ вступить въ упорную и продолжительную борьбу, въ борьбу съ мужской безнравственностью. Борьба неминуема, она уже начинается на западѣ. Тамъ зарождается новое движеніе, возникаютъ союзы среди женщинъ, желающихъ провести

свои взгляды на нравственность. Русская женщина должна принять дѣятельное участіе въ этомъ движеніи, ему принадлежитъ будущее. Пусть не ошибается женщина, мужчины не поддержатъ ее, вѣдь съ ними то и приходиться сражаться. Не скоро откажутся они отъ своихъ эгоистическихъ теорій, отъ вѣковыхъ привилегій. Борьба предстоитъ тяжелая, она потребуетъ жертвъ, многія падутъ на полѣ битвы; будутъ новыя мученицы. Но смущать это не должно. Женщина восторжествуетъ, она выйдетъ побѣдоносной изъ предстоящей борьбы, она выйдетъ увѣнчанная ореоломъ величія, потому, что это борьба за идею, за вѣчную правду. Женщинѣ суждено вдохнуть новую жизнь въ дряхлѣющій міръ, спасти насъ отъ неминуемой гибели. Она вернетъ намъ вѣру, вернетъ любовь. А безъ вѣры развѣ можно? Развѣ можно безъ любви? „Безъ любви весною май не возвратится, безъ любви молитва къ Богу не дойдетъ".

Такъ пусть же крѣпнетъ женщина, пусть она развивается, и вооружившись наукой отстаиваетъ свою равноправность, пусть ведетъ насъ къ свѣту, къ добру, къ истинѣ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Того же автора:

О современномъ развратѣ. Цѣна 30 коп.

О правахъ женщины. Цѣна 50 коп.

О назначеніи женщины. Распродано Цѣна 20 коп.

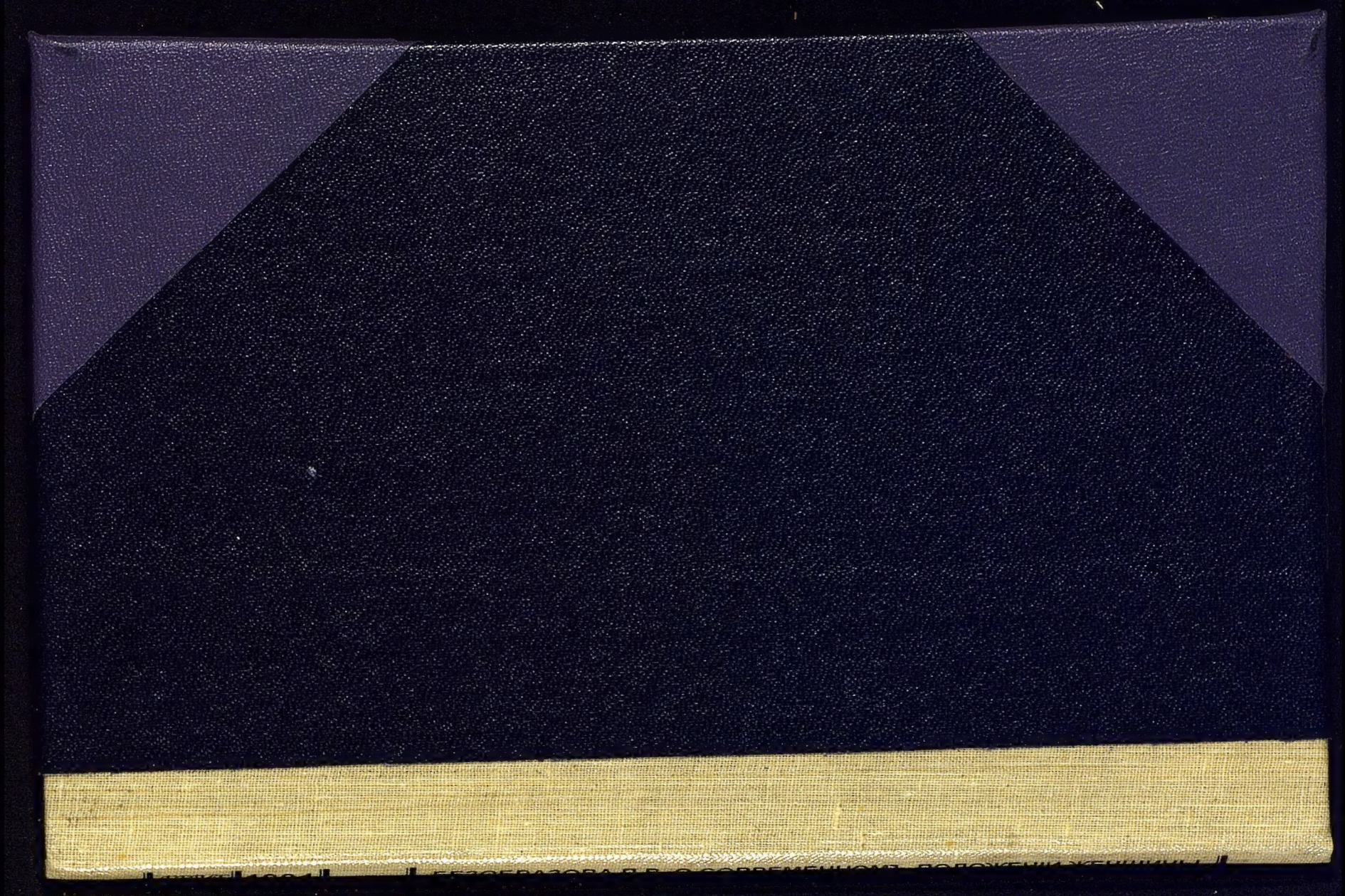
Историческія повѣсти. Цѣна 1 рубль.

Историческія статьи. Выпускъ первый. Цѣна 1 руб. 80 коп.

О сношеніяхъ Россіи съ Франціей. Цѣна 2 рубля.

Женихъ двухъ невѣстъ. Историческій романъ. Цѣна 40 коп.

С. М. Соловьевъ. Біографическій очеркъ. Цѣна 25 коп.

Цѣна 20 коп.

Складъ у автора: Москва, Мерзляковскій пер., домъ Мора.